

ЛИЗА СИ ДЕВУШКИ ИЗ ШАНХАЯ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111(73)

ББК 83.3(7)

С34

Lisa See
SHANGHAI GIRLS

Перевела с английского

Наталья Власова

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Ирина Бабушкина

Печатается с разрешения *Sandra Dijkstra Literary Agency*

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Synopsis*
за содействие в приобретении прав

Си Л.

С34 Девушки из Шанхая : [роман] / Лиза Си; [пер. с англ. Н. Власовой]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 464 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-88-7

1937 год, Шанхай. Сестры Перл и Мэй позируют художникам и упиваются светской жизнью «азиатского Парижа». Они считают себя передовыми современными девушками, способными самостоятельно решать свою судьбу. Однако это всего лишь иллюзия, которая разбивается вдребезги, когда обанкротившийся отец продает их в богатую американскую семью.

Истинный знаток китайской истории Лиза Си переносит читателей во времена, когда многие китайцы покидали родину, пытаясь построить новую жизнь на чужбине.

УДК 821.111(73)

ББК 83.3(7)

© Lisa See, 2009

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-88-7

ООО «Издательство Аркадия», 2019

*Посвящается моей кузине Лесли Лян.
Навеки в моей памяти*

От автора

Действие книги происходит между 1937 и 1957 годом. Некоторые термины могут показаться читателям некорректными, но они были именно такими на момент повествования.

Что касается курса обмена, то серебряные доллары имели хождение в Шанхае до ноября 1935 года, а после вошли в обиход юани. Они примерно равнялись друг другу. Я решила и дальше упоминать доллары и центы, поскольку в них все еще проводили расчеты, и, кроме того, эта валюта более знакома западным читателям. Курс обмена медяков на серебро варьировался от трехсот до трехсот тридцати медяков за серебряный доллар (или юань).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Судьба

Красавицы

— С такими красными щеками наша дочь выглядит как крестьянка с Юга, — бурчит отец, собираясь приступить к стоящему перед ним супу. — Нельзя ли привести ее в более-менее подобающий вид?

Мама пристально смотрит на него, но что тут ответить? У меня достаточно симпатичное личико, можно даже сказать, хорошенькое, но не такое сияющее, как жемчужина, хотя я и ношу имя Перл. Я легко заливаюсь румянцем. Кроме того, щеки у меня быстро загорают на солнце. Когда мне исполнилось пять, мать начала втирать мне в лицо и руки жемчужный крем и подсыпать в джук¹ порошок из «земляного жемчуга»² в надежде отбелить кожу. Но ничего не получилось. Сейчас же мои щеки и вовсе горят огнем — а это то, что так ненавидит отец. Я вжимаюсь в стул. Мне всегда хочется съежиться в присутствии отца, а в те моменты, когда он переводит взгляд с сестры на меня, появляется желание согнуться еще сильнее. Я выше отца ростом, и это его тоже бесит. Мы живем в Шанхае, а здесь самые высокие повозки, ограды и здания недвусмысленно сообщают, что их владелец — важная шишка.

¹ Жидкая рисовая каша с различными добавками.

² Порошок из кошенили — насекомых семейства червецов, в определенной стадии развития напоминающих маленькие серые жемчужины, за что они и получили название «земляной жемчуг».

— Считает себя умной... — не унимается отец.

На нем — отлично скроенный костюм, сшитый по западному образцу, а в волосах лишь кое-где виднеется седина. В последнее время он часто не в духе, а сегодня и вовсе мрачнее тучи. Возможно, его любимый скакун не победил в заезде или игральные кости отказались падать той стороной, которой нужно.

— Вот только ума ей как раз и недостает, — завершает он свою мысль.

Это стандартный повод для нападок, который отец позаимствовал у Конфуция: «Образованная женщина бесполезна». Меня можно назвать начитанной, но в 1937 году это отнюдь не комплимент. И какой бы умницей я ни была, я не знаю, как защититься от отцовской критики в мой адрес.

Большинство китайских семей трапезничают за круглым столом, чтобы сидеть бок о бок, без острых углов. У нас же квадратный стол тикового дерева, и мы располагаемся на своих местах: папа и Мэй с одной стороны, мы с мамой — с другой, причем мама — напротив Мэй, как будто для того, чтобы разделить ее с отцом поровну. Каждый раз, когда мы садимся есть, изо дня в день, год за годом, это напоминает мне, что их любимица — не я и никогда ею не буду.

Отец продолжает придирается ко мне, но я не слушаю и делаю вид, что разглядываю окружающее пространство. На стене между столовой и кухней раньше висели четыре свитка, изображающие четыре времени года. Сейчас свитки сняли, на их месте остались лишь пятна. Это не единственные вещи, которые внезапно пропали. Раньше на потолке крутился вентилятор, но в прошлом году папа решил, что куда роскошнее, если нас во время трапезы будут обмахивать веерами

слуги. Сегодня слуг нет, и в помещении душно. Прежде комнату освещали люстра в стиле ар-деко и бра из желтовато-розового стекла с гравировкой. Но и они исчезли. Я не обращаю на это особого внимания, решив, что свитки убрали, чтобы их шелковистые края не деформировались от влажности; слуг отец отпустил на вечер по случаю дня рождения или свадьбы кого-то из их родных, а люстру и бра сняли, чтобы почистить.

Повар — холостой и бездетный — забирает тарелки из-под супа и приносит блюда с креветками и водяными каштанами, свинину в соевом соусе с сушеными овощами и ростками бамбука, копченого угря, овощной гарнир «восемь драгоценностей»³ и рис, но от жары у меня нет аппетита. Я бы предпочла пару глотков охлажденного отвара из чернослива, бобовый суп с мятой или похлебку из сладкого миндаля.

Когда мама произносит: «Сегодня корзинщик взял с меня больше, чем нужно», я расслабляюсь. Если отец предскажем в критике, то и мать тоже предсказуема, когда жалуется на неприятности. Она элегантна, как обычно. Янтарные шпильки удерживают пучок волос на затылке в идеальном состоянии. Платье, чонсам⁴ из синего шелка с рукавами средней длины, сшито с учетом ее возраста и статуса. На запястье красуется браслет, вырезанный из цельного куска нефрита. Знакомый стук браслета о край стола успокаивает. У нее перебинтованы ноги, и многое в ее поведении устарело так же, как и этот обычай — бинтование ног у девочек⁵.

³ Блюдо из восьми ингредиентов.

⁴ Традиционное женское платье с облегающим силуэтом.

⁵ По китайским представлениям стопы у женщины должны быть крошечными, чтобы подчеркивать хрупкость и красоту. Поэтому девочкам с детства бинтовали ноги, деформируя и уродуя стопы.

Мама выспрашивает, что нам снилось, оценивая, к добру ли увидеть, например, ботинки или зубы. Она верит в астрологию и видит причину всех наших с сестрой недостатков именно в том, что я родилась в год Дракона, а Мэй — в год Овцы.

Маме повезло в жизни. Ее сосватали за отца, и они живут относительно дружно. Она читает буддийские сутры по утрам, ездит на рикше к подругам на обед, играет там до вечера в маджонг⁶ и плачется дамам своего круга, какая отвратительная стоит погода, какие ленивые нынче пошли слуги и как плохо помогают новые средства от икоты, подагры или геморроя. Ей не о чем печалиться, но тихая горечь и постоянное беспокойство пронизывают всю ее речь. «Все всегда заканчивается плохо», — часто говорит она. Тем не менее мама по-прежнему красива, и ее походка напоминает колебание молодого бамбука, обдуваемого весенним ветерком.

— Этот ленивый слуга по соседству оступился, когда выносил ночной горшок семейства Цао, и теперь наша улица провоняла их испражнениями! — сетует мама. — А повар! — Она с неодобрением фыркает. — Подал нам такие залежалые вонючие креветки, что они отбили у меня аппетит!

Мы не вступаем с ней в спор, но вонь источают отнюдь не ночной горшок и креветки, а она сама. Поскольку слуги не обмахивают нас веерами и воздух в комнате неподвижен, то у меня в носу стоит запах крови и гноя, сочащихся из-под бинтов на маминых ступнях.

Мама продолжает сотрясать воздух своими жалобами, когда папа перебивает ее:

⁶ Вид пасьянса.

— Девочки, сегодня вечером никуда не уходите! Мне нужно с вами поговорить.

Он обращается к Мэй, а та смотрит и улыбается своей прелестной улыбкой. Мы не позволяем себе ничего лишнего, но на сегодня у нас были планы, и в них не входило выслушивать папины нотации по поводу того, что мы расходует слишком много воды, принимая ванну, и не доедаем рис до последнего зернышка.

Обычно в ответ на улыбку сестры отец тоже расплывается в улыбке, забывая обо всех своих огорчениях, но сейчас он лишь пару раз моргнул и перевел взгляд на меня. Я снова вжимаюсь в стул. Иногда мне кажется, что единственная форма дочерней почтительности — съеживаться в присутствии отца. Я считаю себя современной шанхайской девушкой и не хочу верить, что нам нужно подчиняться старшим, как внушали всем девочкам в прошлом. Но правда в том, что, поскольку мы с Мэй женского пола, мы не продолжим нести фамильный знак и не станем поклоняться родителям перед табличками с именами предков⁷. Мы с сестрой — последние из рода Цинь. Пока мы были маленькими, наша с ней бесполезность выражалась в том, что мать и отец нас не контролировали. На нас не стоило тратить силы. А потом произошло кое-что странное: родители окончательно и бесповоротно влюбились в младшую дочь. Это позволило нам сохранить определенную долю свободы, и на избалованность сестры частенько закрывали глаза, как и на то, что мы порой пренебрегаем понятиями уважения и долга. Другие назвали бы наше поведение непочтительным, а мы — прогрессивным и независимым.

⁷ По китайским традициям души усопших предков может кормить только потомок мужского пола.

— Ты гроша ломаного не стоишь! — произносит папа резким тоном. — Я даже не знаю, как я...

— Пап, хватит придирааться к Перл! — Мэй не дает ему закончить. — Тебе повезло, что у тебя такая дочь! А мне еще больше повезло иметь такую чудесную сестру!

Мы все повернулись к Мэй. В этом вся она. Когда Мэй говорит, вы не можете ее не слушать; когда она в комнате — не сводите с нее глаз. Все ее обожают — родители, парни-рикши, работающие на отца, миссионеры, преподающие в школе, художники, революционеры и иностранцы, с которыми мы познакомились в последние годы.

— Не хочешь узнать, чем я занималась сегодня? — спрашивает Мэй отца, и ее требовательный тон напоминает легкое трепетание птичьих крылышек.

Я тут же испаряюсь из поля зрения родителей. Я старшая сестра, но во многих вопросах Мэй заботится обо мне.

— Я ходила в кино в «Метрополь», потом купила пару туфель на авеню Жоффр⁸, — продолжает она. — Оттуда буквально два шага до салона мадам Гарне в отеле «Катай»⁹, чтобы забрать новое платье. — В голосе Мэй слышится упрек. — Она сказала, что не отдаст платье, пока я сама не зайду.

— Девушкам не нужно новое платье каждую неделю, — мягко возражает мама. — Тебе стоило бы взять пример с сестры. Рожденным в год Дракона незачем рюши, кружева и банты. Перл слишком практична для всего этого.

— Но папа может себе это позволить! — парирует Мэй.

⁸ Главная улица Французской концессии в Шанхае.

⁹ «Катай» — поэтическое название Китая.

Отец сжимает зубы. Мэй что-то не то сказала? Или же он собирается опять напустить на меня? Он открывает было рот, но сестра перебивает:

— На дворе седьмой месяц¹⁰, и жара уже просто невыносимая. Пап, когда ты вывезешь нас в Гулин?¹¹ Или ты хочешь, чтобы мы заболели? Летом в городе так паршиво, в горах куда приятнее в это время года.

Мэй тактично не упоминает меня, а я предпочитаю не выделяться. Но вся ее болтовня на самом деле просто для того, чтобы отвлечь родителей. Сестра перехватывает мой взгляд, еле заметно кивает и быстро встает:

— Пойдем, Перл. Пора собираться.

Я отодвигаю стул, радуясь, что спасена от нападок докучливого отца.

— Нет!

Отец ударяет кулаком по столу. Дребезжат тарелки. Мама вздрагивает от неожиданности. Я застываю на месте.

Наши соседи восхищаются деловой хваткой отца. Он — воплощение мечты любого коренного шанхайца и «шанхайлендера», как называют иностранцев, стекающих сюда со всех уголков земли попытать счастья. Он начал с самых низов, добившись статуса для себя и своей семьи. Еще до моего рождения отец организовал компанию по прокату рикш в Кантоне, причем был не собственником, а всего лишь подрядчиком — нанимал рикш за семьдесят центов в день, сдавал младшему подрядчику за девяносто центов в день, а клиенты платили доллар. Заработав достаточно денег, отец перебрался в Шанхай и открыл собственное дело. «Здесь

¹⁰ Имеется в виду седьмой лунный месяц по лунному календарю.

¹¹ Курорт в провинции Цзянси на северо-востоке Национального парка Лушань.